

АРИАДНА ЭФРОН

В «РЕВЮ ДЕ МОСКУ»

ОБЗОР СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА

ДОМА-МУЗЕЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ Е.Б.КОРКИНОЙ

«От Али частые письма. Пока – работа эпизодическая, часто анонимная, но хорошо оплаченная, сейчас едет с сестрой С.Я. (с которой живет) в деревню, а осенью надеется на штатное место в Revue de Moscou. Очень довольна своей жизнью» (М. Цветаева – А. Тесковой, 14 июня 1937 г.)

Работе Ариадны Эфрон в этом журнале в 1937—1939 гг. и посвящен наш обзор.

Журнал «Revue de Moscou» (Московское обозрение) стал выходить в Москве в 1935 г. сначала как двухмесячник, а с мая 1937 г. стал ежемесячным.

На шестом номере 1941 г. он прекратил свое существование. Это было одно из более тридцати периодических изданий Жургазобъединения – медиахолдинга, как сказали бы сегодня, созданного М.Е.Кольцовым. Первоначально оно было рассчитано на франкоязычную Европу, где возрастал интерес к Советскому Союзу и начиналось мощное антифашистское движение, приведшее к победе так называемого Народного фронта (союза коммунистов, социалистов и мелкобуржуазных партий) во Франции и Испании. В 1935-1936 гг. журнал возглавлял Лев Гилярович Эльберт (1898–1946). В 1920-е сотрудник Иностранного отдела ОГПУ, работавший в разных странах под прикрытием, а в 1930-е – в Москве, сначала

в Информационном отделе Моссовета, потом в Союзкино и ТАСС.¹ Его заместителем числился Измаил Алиевич Уразов (1896–1965), литератор, журналист, работавший также в журнале «Цирк» (потом «Цирк и эстрада»).

В начале 1939 г. главным редактором стал Борис Данилович Михайлов (1895–1953), бывший главным редактором еженедельника НКВД «Journal de Moscou» (1934–1939), а до этого работавший в «Правде». Летом 1935 г. Ариадна Сергеевна могла его встречать в Париже в кулуарах Антифашистского конгресса писателей, который Михайлов освещал как корреспондент ТАСС и «Правды». Но журналистское поприще – лишь незначительная часть биографии этого человека. Все 1920-е годы он, сотрудник Исполкома Коминтерна,

¹ Виктор Абрамов. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М.: Яуза-Эксмо, 2005.

провел в заграничных партийных командировках – во Франции, Германии, Австрии, Югославии, Греции, Голландии, Турции, Италии, США, Аргентине, Чили, Уругвае, Бразилии, Индии, – где налаживал работу коммунистических партий этих стран².

О его службе в Красной армии во время Гражданской войны 1918—1921 гг. можно было бы тут не упоминать – слишком далеко это от описываемого времени, если бы не портрет его, тогда 24-летнего (и ей самой столько же), в книге Ларисы Рейснер «Фронт». Не могу отказать себе в удовольствии процитировать эту прозу. В главе «Лето 1919 года», она описывает совещание Реввоенсовета армии перед вторым штурмом Царицына:

«Случай расположил их так: слева быстрые глаза, бас и жестокая воля Шорина. Рядом с ним его штаб-офицер,

мягкий и подробный человек, никого не способный стеснить, как походная карта, старательно сложенная и повешенная через плечо.

Дальше профиль, неправильный и бледный, выгнутый, как сабля, с чуть косыми глазами и смутно улыбающимся ртом, словом, один из тех, которые могут позировать художнику для тонкого и выносливого бога мести в казацкой папахе. Бесшумная походка, легкий запах духов, которые он любит, как девушка, и на черной рубашке красный орден – это и есть Кажанов, ставший почти легендой начальник десантных отрядов Волжской флотилии.

Голландцы, достигшие совершенства в групповом портрете, любили изобразить в центре картины, среди всех этих господ в черном платье и крахмальных белых

² Михаил Пантелеев. Агенты Коминтерна: солдаты мировой революции. М., 2005.

воротничках, одну сосредоточенную и тонкую физиономию какого-нибудь славного молодого врача, вооруженного скальпелем, скептика и атеиста, стоящего к зрителю вполоборота со своим высоким белым лбом и насмешливой улыбкой.

В кожаной куртке и с кончиком «Известий», торчащим из кармана, эта фигура в наше время называется – член Реввоенсовета Михайлов»³.

Вернемся к нашей теме. Тонкий журнал, по формату чуть меньше «Огонька», «Revue de Moscou» содержанием своим и формой подачи материала напоминал «Огонек» советских времен: репортажи о событиях в жизни страны, портреты героев, передовиков производства и других примечательных людей, очерки о жизни союзных республик, юбилейные материалы, новости литературы, искусства

и спорта, страница юмора. И – масса фотографий, репродукций, иллюстраций.

Ариадна Эфрон, приехавшая в Москву в середине марта 1937 г. (она вспоминала – в день Парижской коммуны), знавшая о московской жизни из советских газет, из кинохроники, была переполнена восторгом от увиденного наяву. Ее письма к матери не сохранились, но уцелело несколько первых писем к ее парижской еquire и написанный в июне очерк «На родине», опубликованный в парижском журнале «Наша родина» (1937, № 1)⁴.

Она тут же навестила парижского приятеля Юза – Иосифа Гордона, уже московского старожила. Он вернулся в 1936 г., работал режиссером-монтажером на киностудии им. Горького и, как оказалось, уже полгода как женатого. Его избранница – Нина Прокофьева

³ Лариса Рейснер. Избранное. М.: Художественная литература, 1965. С. 78--79

⁴ Ариадна Эфрон. История жизни, история души. М.: Возвращение, 2008. Т. 1. С. 14—31.

была стенографисткой Жургазобъединения и личным секретарем Михаила Кольцова. И жили они в новом жургазовском доме в 1-м Самотечном переулке, где жил сам Кольцов (до 1938 г.) и где в первых этажах было общежитие Коминтерна.

Н.П.Гордон вспоминала пленившую ее с первой встречи с Ариадной Сергеевной простоту и легкость в общении: «Она всё понимала, как будто никуда не уезжала, была совсем своя». Случившийся в ночь на 1 мая 1937 г. арест И.Д.Гордона сблизил их навсегда. Ариадна Сергеевна все вечера проводила с Ниной Прокофьевной, помогая ей пережить время самого острого отчаяния.

Поэтому правдоподобным кажется предположение, что именно Н.П.Гордон рассказала об А.Эфрон М.Кольцову, ибо именно он, по воспоминаниям А.Дейча, привел ее в редакцию *Revue de Moscou*,

представил Дейчу и попросил его испытать, чем сможет быть полезна журналу Ариадна Сергеевна. Это могло произойти в мае 1937 г., когда Кольцов целый месяц провел в Москве, вызванный из Испании для инструкций по организации второго Антифашистского съезда писателей в Мадриде. В начале июня он вернулся в Испанию, где пробыл до ноября.

О кадровом составе редакции мы можем судить сейчас на основании сохранившейся переписки А.С.Эфрон. Заведующей редакцией была Сесиль Францевна Дюсиметьер, штатными сотрудниками Лидия Бать, Александр Дейч и Ариадна Эфрон. Больше никто не упоминается ни в письмах, ни в воспоминаниях. Учитывая, что большую часть материалов составляли обработанные и переведенные на французский язык компиляции из советских печатных источников, а авторские статьи и репортажи

появлялись не в каждом номере, пятеро сотрудников (включая главного редактора) с работой справлялись.

Просмотр номеров журнала за вторую половину 1937 г. позволяет предположительно угадать «анонимную работу» Ариадны Сергеевны, основываясь на темах ее репортажей будущего, 1938 года.

В августовском номере (№ 6) она могла подготовить материал, в котором подзаголовком «Женщина в СССР» помещены несколько портретов женщин необычных профессий – капитана дальнего плавания, регулировщицы, трактористки, архитектора. В сентябрьском (№ 7) возможно ей принадлежит описание советского павильона на Всемирной выставке в Париже, обзор о пионерских лагерях, а в октябрьском номере (№ 8) – два больших очерка о советской молодежи, об МГУ и московской школе.

Ее энтузиазм, трудоспособность, таланты и преданность работе, вероятно, в эту первую пору были использованы на 200% и осенью, надо думать, ее надежда сбылась, и она была зачислена в штат.

В 1938 г. А.С.Эфрон опубликовала пять репортажей, четыре под псевдонимом **Alice Ferron** и один, подписанный **G. Aliéve**. Один из репортажей был ею же проиллюстрирован. Этот опыт был, видимо, признан удачным, поэтому в 1939 г. переведенный очерк Т.Сёмушкина «Чукотка» был украшен ее рисунками, подписанными подлинным именем – А.Эфрон.

О репортажах речь пойдет впереди, а сейчас нужно разрешить загадку стихотворных переводов, появившихся в журнале в период работы Ариадны Сергеевны (и продолжавших появляться много позже).

Стихотворные тексты стали появляться в Revue de Moscou на втором году его существования, во всех шести номерах 1935 г. не было ни одного. В № 3 – 1936 г. при статье О.Брика о Маяковском был опубликован перевод фрагмента поэмы «Во весь голос». Такой подачи литературного материала журнал придерживался и дальше: статья (обычно юбилейная) плюс переводы стихов героя статьи, как иллюстрация. В следующем № 4 вслед за материалами, посвященными только что умершему Горькому, опубликован перевод «Песни о буреветнике». А в № 5 под общей шапкой «Lenine dans la poésie de l'URSS» напечатаны переводы стихотворений М.Рыльского, А.Акопяна, Машашвили, безымянных «горцев Северного Кавказа» и каракалпакского поэта Aiab Berguen. Все перечисленные стихотворные переводы подписаны одним именем – **M.Ingber.**

Никаких сведений об этом человеке найти пока не удалось. Больше он в журнале не появлялся.

За весь 1937 г. литературных публикаций было две – в № 1 большой материал о Пушкинской выставке в Москве и в № 10 (декабрьском) о Шота Руставели.

В августе 1938 г. Ариадна Эфрон приехала в краткий отпуск (на пять дней) в Одессу, где в санатории лечился ее отец. Там она неожиданно познакомилась с 14-летним мальчиком, пишущим стихи и уже публиковавшимся в местной печати. Через шестьдесят с лишним лет он расскажет об этом знакомстве⁵.

«В столовой <санатория, где Ю.Ч. навещал своего отца>, за одним столом с отцом, сидел молчаливый мужчина. Имя-отчество не помню. Фамилия легко запомнилась, потому что он сказал:

5 Юрий Чернов. Ключи Ариадны. М.: РИФ «Рой». 2004.

«В твоём классе есть хоть один Андрей?
А я – Андреев».

Сосед отца редко вступал в разговор. Глаза у него были грустные. Очевидно, какая-то тайная печаль терзала его.

Однажды за обедом, ожидая, когда подадут второе, я вынул томик Лермонтова и погрузился в чтение.

– Опять книжки во время еды! – строго сказал отец.

– Любишь читать? – спросил Андреев, обычно как бы отсутствовавший за столом, погруженный в раздумья.

– Читать любит, да и сам пописывает, – ответил за меня отец.

– Вот и отлично! – сосед неожиданно оживился. – Ко мне приедет дочь, она работает в московском журнале. Она наверняка поможет вашему сыну».

Но мальчика отправили в пионерский лагерь, и каково же было его изумление, когда к концу смены старший пионервожатый подошел к нему с молодой женщиной в ситцевом сарафане и в необычных босоножках: подошва и тонкая перепонка. Она попросила его переписать ей его стихи о Красной армии, обещала написать ему из Москвы и прислать полезные книги. И действительно, вскоре в Одессу пришло письмо, а затем и книжная бандероль – «Трактат о русском стихе» Г. Шенгели, «Как делать стихи» В. Маяковского. Осенью пришел № 9 – 1938 г. журнала «Revue de Moscou» с репортажем про пионерский лагерь под Одессой, упоминанием Юры, а также переводом его стихотворения о Красной армии. Стихотворение и абзацы о Юре в очерке были отмечены крестиками на полях. Письма и бандероли приходили примерно раз в месяц, а потом внезапно прекратились. И только 60 лет

спустя, прочитав в Новом мире повествование В.Шенталинского «Рабы свободы», он узнал, кем были и его внимательная корреспондентка, и сосед его отца в санаторской столовой.

Он нашел письма Ариадны Сергеевны, которые его родители вывезли в 1941 г. из осажденной Одессы и сохранили в эвакуации,

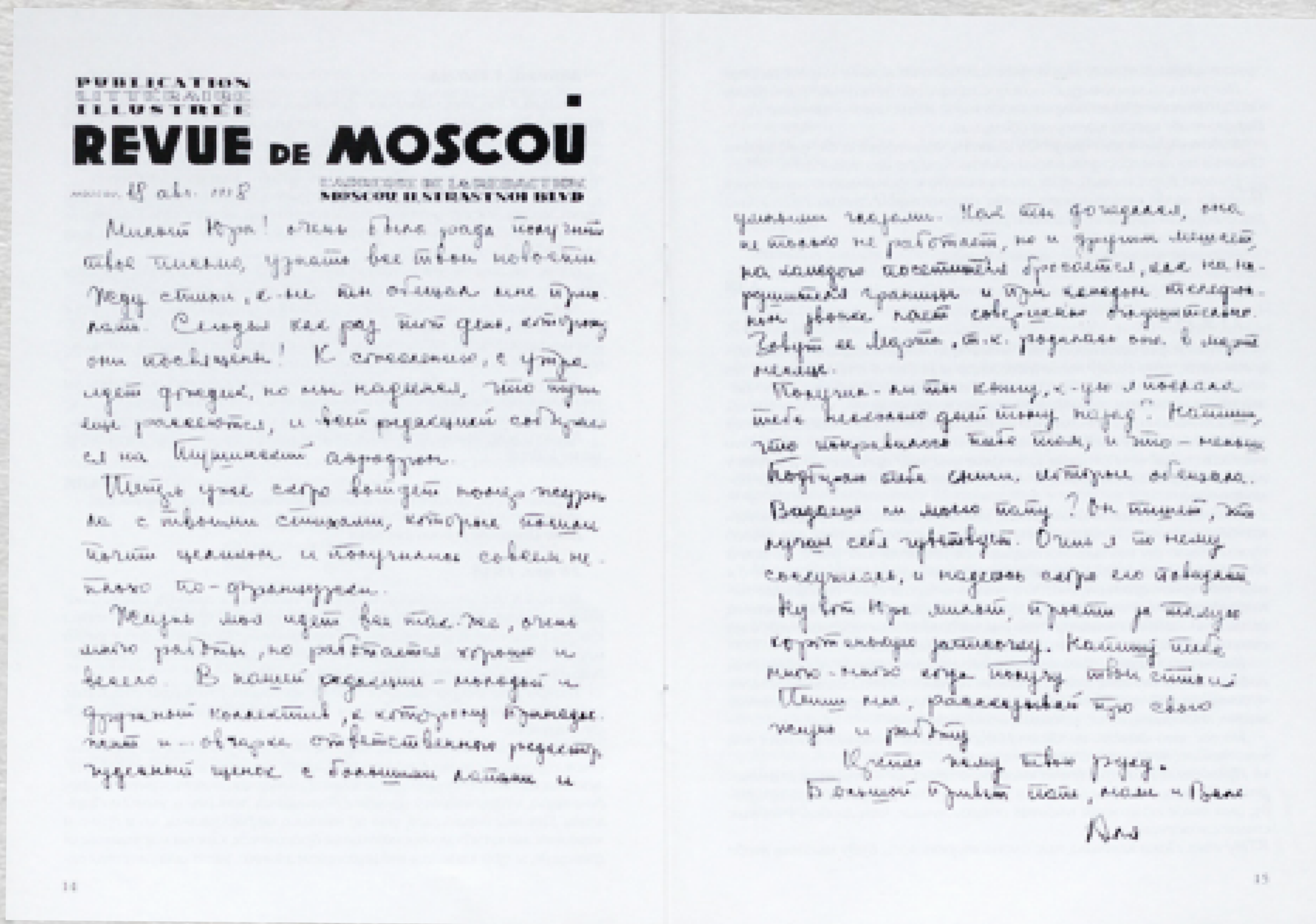
и опубликовал их отдельной книжечкой. Всего семь писем – с 4 августа 1938 г. по 18 апреля 1939 г.

Таким образом, стихотворение Юры Чернова оказалось первым стихотворным переводом А.С. Эфрон, опубликованным в «Revue de Moscou». В репортаже «Au heros», подписанном **G.Aliéva**.

В конце своего письма 7 февраля 1939 г. Ариадна Сергеевна сообщает: «Сама я в данный момент работаю над переводами Шевченко и Маяковского на французский. Кажется, получается неплохо».

И в № 3 – 1939 г. после статьи о Шевченко М.Зверева напечатаны два перевода из Шевченко, подписанных псевдонимом **V.Follet**.

Что касается Маяковского, то в № 3 – 1940 г. после статьи А.Дейча, приуроченной к 10-летней годовщине смерти Маяковского,

помещен перевод его «Стихов о советском паспорте», подписанный именем **Alice Orane**. Эта переводчица в 1930-е годы печаталась, как в Москве, так и в Париже, среди стихотворных ее переводов есть произведения Маршака и Чуковского, но большей частью она переводила актуальную советскую прозу – Эренбурга, Гладкова, Шолохова, Фурманова, Леонова, Гладкова, Ванду Василевскую.

В составленной в 1963 г. автобиографии А.Эфрон пишет: «Стихотворными переводами начала заниматься с 1932 г.» и перечисляет французские журналы, в которых печаталась: «Pour Vous», «Russie d'Aujourd'hui», «France-URSS». И далее: «В те годы переводила на французский Маяковского, Безыменского и других советских поэтов» .

Пока не удалось просмотреть указанные журналы за годы 1932—1937. Возможно, переводы в них А.С.Эфрон тоже печатала

под псевдонимами.

Отметим пока, что переводов **В.Фолле** опубликовано очень много, причем это относится, как к последним номерам 1939 г., так и 1940 г., когда Ариадна Сергеевна уже, по ее собственному выражению, «была изъята из обращения». Перечислю их.

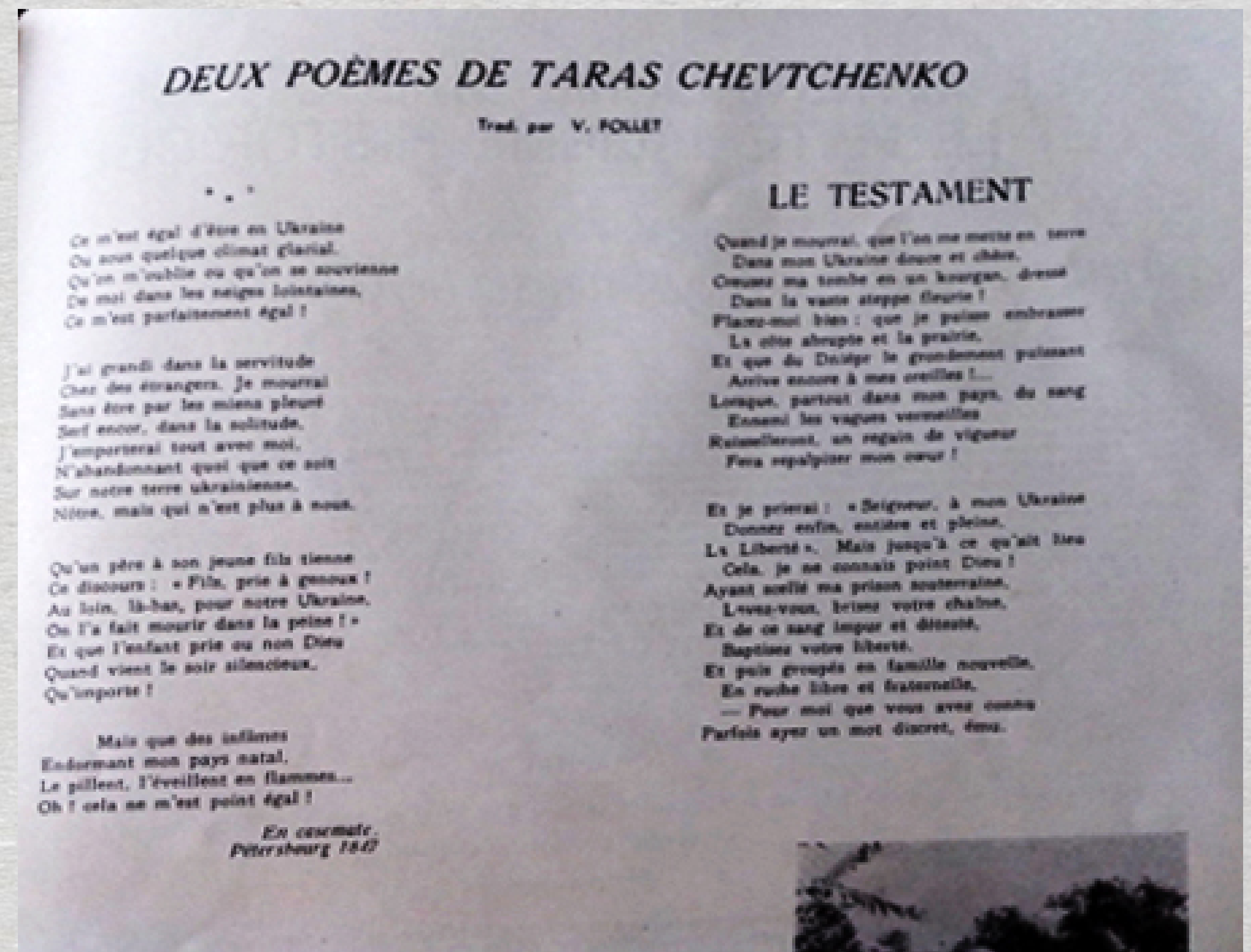
М.Горький – Девушка и Смерть (№ 11 – 1939), La maison voyage – Агнии Барто (№ 12 – 1940), Fête carnavalesque – неперевод, а собственное сочинение (№ 11–1940), и в №№ 1, 3, 6, 7, 10 – переводы советских песен (с нотами). Т.е. почти в каждом номере 1940 г. напечатаны переводы **В.Фолле**.

В 1941 году (а журнал, напомним, просуществовал до лета, до № 6) продолжились публикации песен (с нотами) – в № 1 – Mon fusil – в переводе **V.Follet**, в № 6 – Par le Don paisible – в переводе **P.Luquet**.

О Пьере Люке – «русском французе» – расскажем подробнее в главе «Голицыно», ибо там, в марте 1940 г., Марина Цветаева редактировала его перевод на французский язык главы калмыцкого эпоса «Джангар», опубликованного в 1940 г. в № 5 «La littérature internationale», небольшой фрагмент этого перевода перепечатан в № 9 «Revue de Moscou».

Пока, отметив, что **Follet** фамилия довольно распространенная, и что наше предположение, что **V.Follet** – псевдоним А.С.Эфрон, базируется пока только на временном совпадении: в феврале она пишет, что работает над переводами Шевченко, а в мартовском номере журнала два перевода опубликованы, добавим, что сомнений остается слишком много.

Даже если предположить, что Ариадна Сергеевна, при своей работоспособности, могла с десятков переводов заготовить

впрок, в портфель редакции, для всяких экстренных случаев, безопасно ли было в 1939–1940 гг. печатать материалы арестованного и находящегося под следствием сотрудника?

Пока ответов на эти вопросы у нас нет, обратимся к репортажам Ариадны Сергеевны, сомнений не вызывающих, ибо подписаны они анаграмматически-бесспорным псевдонимом – **Alice Ferron.**

Все репортажи Ариадны Сергеевны посвящены «новому быту» в Советском Союзе.

И первый (№ 8 – 1938) – «Un jour de repos à Moscou» (Выходной день в Москве) – Парку культуры и отдыха им. М.Горького. Текст представляет собой подробный путеводитель по парку с обзором всех его культурных площадок и зон отдыха.

«Мы читали в шезлонге, танцевали, играли в волейбол, смотрели кино, были в театре, купались, бегали, посещали выставки – и вот день закончился ... Но через пять дней, если захотите, мы опять встретимся в Парке культуры!» – таково заключение очерка.

К следующему номеру (№9 – 1938) Alice Ferron написала и проиллюстрировала очерк

«Cité d'enfants» (Детский городок). Он посвящен детям, по разным причинам оставшимся на летние каникулы в городе. Для них во всех районах Москвы (в небольших парках или на пришкольных территориях) были организованы городские пионерские лагеря.

Там дети проводили целый день, пока родители были на работе. За младшими присматривали старшие, время проходило в разнообразных занятиях, спортивных играх, разучивании песен и танцев, чтении и рукоделии.

В этом же номере журнала был помещен и рассказ о пионерском лагере под Одессой, в котором, как мы уже знаем, Ариадна Сергеевна побывала в августе 1938 г., навещая в санатории своего больного отца. Очерк называется «Au heros» (На каникулах) и подписан новым псевдонимом – **G. Aliéva**. Вот его лирическое начало:

«Тихая улица пригорода Одессы. Белые виллы, окруженные кокетливыми садиками, частные гостиницы в глубине французских парков, всё кажется спящим под лучами обжигающего солнца. Только приближающееся дребезжание маленького голубого трамвая,

милого, как механическая игрушка, нарушает тишину этого прекрасного августовского дня. На небе ни облачка, ветерок едва качает ветви кипариса и листья серебристых тополей. На этой прелестной провинциальной улице теряется всякое представление о времени. Какой день, какой год сейчас? Эти виллы, созданные для отдыха и удовольствий, кому они принадлежат? Кто их счастливые обитатели? Эти сады с изумрудными газонами, окаймленными цветочными бордюрами, для каких счастливцев они предназначены?

Имена обитателей сообщают нам таблички на дверях и деревянные указатели: – Детский дом ... – Детский санаторий ... – Летний лагерь октябрат ... – Пионерский лагерь ... Что?

Да, в Советском Союзе всё это принадлежит детям».

А вот рассказ про знакомство с Юрой Черновым и его младшим братом Валею, о праздничном костре, на котором Юра прочел свое стихотворение, посвященное Красной Армии, и перевод этого стихотворения.

В следующем номере журнала (№ 10 – 1938) помещен московский очерк А.Эфрон «Droit à la beauté» (Право на красоту) об Институте красоты в Столешниковом переулке с описанием всех видов услуг, которые там можно получить. Первые строки этого очерка «Ceci peut commencer comme une conte: il fut autrefois un grand pays où seules les princesses avait droit à la beauté» (Это можно начать как сказку: была в прежние времена одна великая страна, где только принцессы имели право на красоту) – сейчас мы можем увидеть в одной из рабочих тетрадей Марины Цветаевой (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 34). В ноябре 1939 г., живя с Муром в комнате Е.Я.Эфрон, она взяла эту едва начатую тетрадь дочери, амбарную книгу в бумажной черно-зеленой «мраморной» обложке ленинградской фабрики «Светоч», и она стала ее первой

голицынской тетрадью.

В письмах к Юре Чернову Ариадна Сергеевна, объясняя опоздание с книжными посылками ему, пишет о своей загруженности работой, и действительно, 1938-й год был самым «плодоносным». Но не только успешной работой объясняется оставшееся в ее памяти чувство счастья, отметившее 1937–1939 годы ее жизни.

Зимой 1938 г. А.Эфрон познакомилась с Самуилом Гуревичем, ставшем ее единственной любовью. Об обстоятельствах их знакомства он вспоминает в письме к А.С. «9 февраля 1943 г.

... В такой же день, пять лет назад, мы встретились в Охотном ряду, возле входа в гостиницу Москва. Вы с Нинкой шли в кино, а потом пить кофе. А у меня были какие-то дурацкие дела, и я не мог пойти с вами. А еще через неделю, у Нины, мы

впервые вместе пили чай, и я был ужасно небрит, и мне было стыдно смотреть на тебя. Но ты и того меньше любила смотреть на собеседника. И говорила, и улыбалась» (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 361. Л. 11).

Это современная фотография жургазовского дома в 1-м Самотечном переулке, где одно время жил и М.Е.Кольцов, и С.Д.Гуревич, и – до самого своего отъезда в Красноярск к сосланному мужу – Н.П.Гордон.

В № 12, завершающем 1938 год, номере журнала Ариадна Эфрон помещает предновогодний репортаж «Un Tour dans les magasins».

Сейчас печально читать начало этого очерка, зная, что принесет ей и всей семье наступающий 1939 год.

Les fêtes du Nouvel An approchent... Dans quelques jours elles seront là, bruyantes, animées, toutes saupoudrées de neige seintillante, fleurant bon le gâteau sorti du four, le sapin que de petites bougies multicolores éclairent et réchauffent... Elles seront là, les fêtes, avec leur cortège de vœux et des cadeaux, de fleurs et des visites, tout ce remue-ménage adorable qui reconduit l'année finie, et accueille celle qui arrive ...» (Приближаются новогодние праздники ... Они придут через несколько дней – шумные, оживленные, усыпанные

сверкающим снегом, пахнувшие вынутыми из духовки сладкими пирогами, освещенные и согретые разноцветными огоньками на елке. Они придут, эти праздники, сопровождаемые пожеланиями и подарками, цветами и гостями, и всей восхитительной суматохой, которая провожает уходящий год и приветствует тот, который приходит ...).

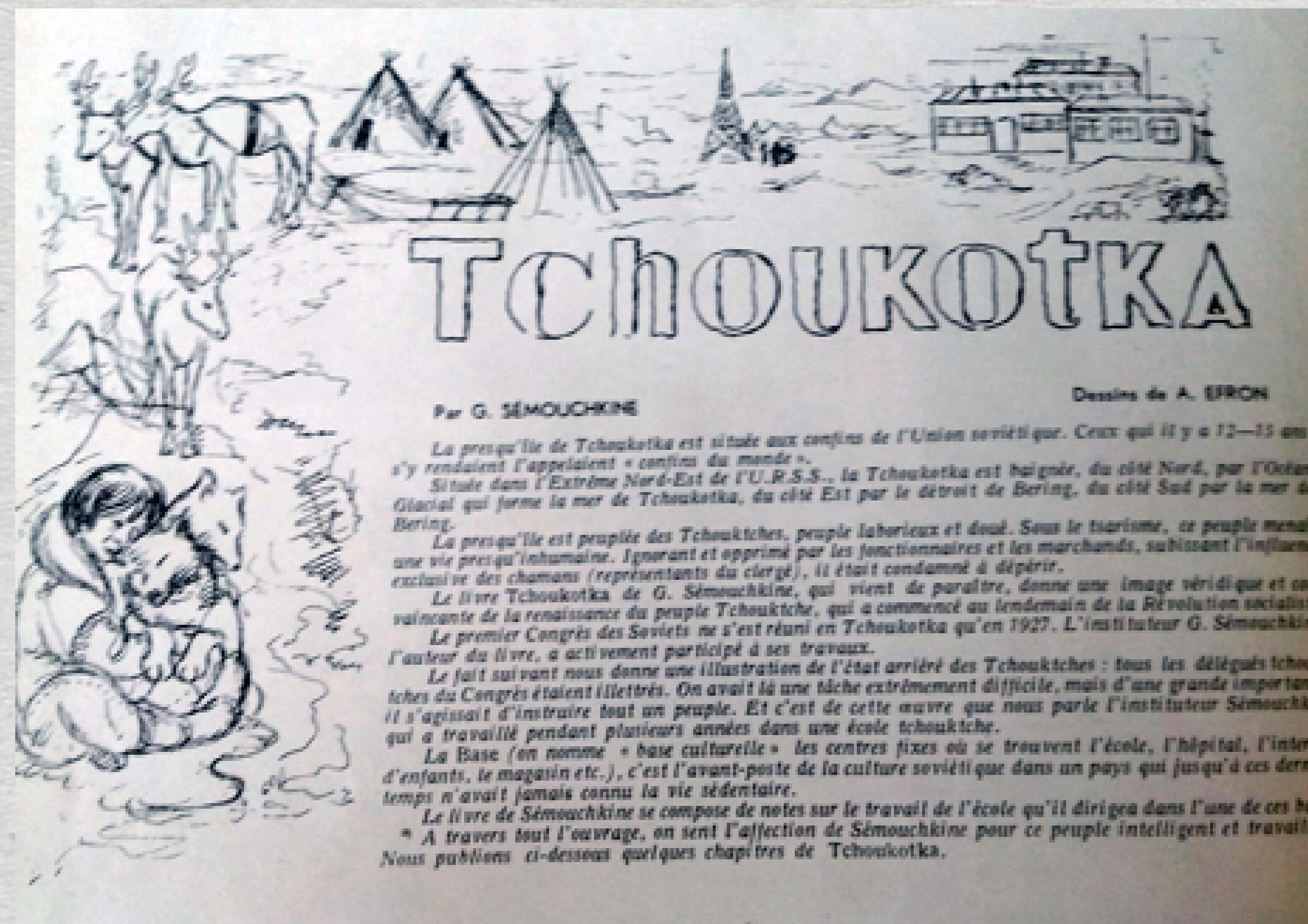

Так, предпраздничным туром по – праздничному даже в будни – Елисейскому магазину (Гастроному № 1) закончила Ариадна Эфрон свой счастливый 1938 год.

В 1939 г. она выступила как книжный иллюстратор, причем эта единственная ее опубликованная работа была подписана собственным именем – **А. Ефрон**, и это, думается, свидетельствует о намерении закрепить свое имя в этой профессии (не в журналистике).

Она проиллюстрировала отрывок из книги Тихона Сёмушкина «Чукотка».

Этого писателя читатели 1950-1960-х годов знали по очень популярной в то время его повести «Алитет уходит в горы», настолько популярной, что даже бытовало присловье: «Работа не Алитет, в горы не уйдет».

Это последняя работа А.С.Эфрон в журнале (№ 6 – 1939), хотя, возможно, до своего ареста 27 августа, она успела подготовить большой репортаж об открытии Сельскохозяйственной выставки, частично компилятивный, частично основанный на личных впечатлениях, напечатанный в №№ 8, 9, 10 – 1939 г.

Выставку они посетили всей семьей в 20-х числах августа, это был первый выезд М.И.Цветаевой из Болшева.

Марина Цветаева с Муром приехали в Москву 19 июня 1939 г. Их постоянным местопребыванием стало Болшево, где на служебной даче НКВД жили С.Я.Эфрон и его соратники – семья Клепининых. Ввиду отсутствия у нее документов, покидать Болшево Цветаева не могла. Паспорт она получила только 21 августа.

Вероятно, чтобы облегчить матери адаптацию к тяжелой для нее обстановке

и занять ее мысли на время вынужденного большевского затвора, Ариадна, всю рабочую неделю жившая в Москве и приезжавшая в Болшево на выходные, в июле привезла матери заказ из «Revue de Moscou» на переводы из Лермонтова. В октябре 1939 г. исполнялось 125 лет со дня его рождения. Формально заказ состоял из трех фрагментов стихотворений. Они предназначались, как это установил коллега из Публичной библиотеки Санкт-Петербурга Дмитрий Борисович Азиатцев, для юбилейной статьи А.Дейча. Причем из трех цветаевских фрагментов в статью вошли только два, третий был переведенный заново (возможно, Ариадной) фрагмент стихотворения «10 июля».

Остальные девять переводов Марина Цветаева в июле-августе 1939 г. сделала «НВ! для себя (и для Лермонтова)».

Два из них были опубликованы в № 10 – 1939 г. «Revue de Moscou» без подписи переводчика.

Остальные, оставленные Ариадной Эфрон в редакции, оказались востребованными через два года.

Предстоящая в июле 1941 г. памятная дата 100-летия со дня гибели Лермонтова заставила обратиться к Цветаевой редакторов обоих московских франкоязычных журналов. «La littérature internationale» в лице, предполагаю, Б.А.Песиса выбрала три перевода – «Родину», «Любовь мертвеца» и «Выхожу один я на дорогу» — и попросила о мелких исправлениях в отдельных строках. Цветаева согласилась и следы работы над этими (действительно, мелкими – в одно слово) исправлениями сохранились в ее последней тетради. Что же касается «Revue de Moscou», то разговор с его редактором (А.С.Эфрон предполагала, что это был Б.Д.Михайлов) М.И.Цветаева описала в письме к дочери от 23 мая 1941 г.:

«... недавно телефонный звонок из «Ревю де Моску», – у них на руках оказались мои переводы Лермонтова, хотят – Колыбельную Песню, но – «замените четверостишие». – Почему? – Мне оно не нравится. – И так далее. Я сказала: – Я работала для своей души, сделала – как могла, простите, если лучше не могу. – И всё. – Не могу же я сказать, словами сказать, что мое имя – достаточная гарантия»⁶.

И эти последние слова Марины Цветаевой напоминают мне свидетельство ее современника Бориса Зайцева: «... в прежней России не было наглости – на всех уровнях культуры и государственности. Россия была скромна. Иной раз даже чрезмерно»⁷.

⁶ Марина Цветаева. Письма к дочери. Дневниковые записи. Музей М.И.Цветаевой в Болшеве. Издательство «Луч-1». Калининград М. о. 1995. С. 55

⁷ Б.К. Зайцев. Собрание сочинений. Т. 9 (доп.) М.: Русская книга. 2000. С. 379

Пятигорск (Кавказ). Монумент Лермонтову, воздвигнутый в честь его смерти.

Дом, в котором жил Лермонтов.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

Лермонтов в юности.

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»

«... и вдали от дома...»